

УДК 908(571.1)''19'':332.14(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/67/3

Е.И. Гололобов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОСВОЕНИЮ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ В УСЛОВИЯХ АКТИВНОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНА (1960–1975 гг.)

Результаты получены в рамках выполнения гранта РНФ № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.».

На примере Сургутского Приобья, наиболее индустриализированной территории северотаежной зоны Западной Сибири, рассматривается процесс неуклонного сокращения хозяйственного значения биологических ресурсов в экономическом развитии региона. Анализируются экономическая и политическая задачи «социалистической реконструкции» традиционного промыслового хозяйства народов Севера, основанного на использовании биоресурсов. Дается характеристика негативного воздействия индустриализации региона в 1960–1975 гг. на его природу и биоресурсы.

Ключевые слова: освоение биоресурсов; XX в.; Север Западной Сибири; экологическая история.

Освоение Севера во второй половине XX в. являлось важной социально-экономической задачей. С 1960-х гг. затраты на освоение Севера удваивались каждые семь-восемь лет и в десятой пятилетке составили десятки миллиардов рублей. Только за период 1960–1975 гг., по данным СОПСа при Госплане СССР, капиталовложения в хозяйство северных территорий значительно превысили их объем за весь предшествующий более чем сорокалетний период [1. С. 5].

Стержнем процесса освоения сырьевых ресурсов, в том числе биологических, таежной зоны Западной Сибири стала последовательная концептуализация идеи индустриализации северных территорий и ее реальное воплощение в регионе во второй половине XX в. Следовательно, все, что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс»; что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению в тайге, оценивалось со знаком «минус». Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь.

В освоении биоресурсов «индустриальный стандарт» выразился в «социалистической реконструкции» хозяйства коренных народов Севера и интенсификации традиционных отраслей экономики. Изменения осуществлялись по следующим направлениям: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре; максимальное сокращение использования ручного труда за счет автоматизации и механизации производственных процессов.

Особенно интенсивно этот процесс проходил на территории Севера Западной Сибири. Регион в беспрецедентно короткое время прошел уникальный «исторический» путь от очагового освоения территории, где надо было лишь контролировать объемы добычи определенных ресурсов, до сплошного индустриального освоения с необходимостью комплексного обеспечения охраны окружающей среды.

Территорией наиболее интенсивного промышленного освоения стало Сургутское Приобье в административных границах Сургутского района. В рассматриваемый период Сургутский район из сельскохозяйственного превратился в индустриальный, нефть стала определять его дальнейшую судьбу. Одна лишь Сургутская скважина давала нефти столько же, сколько десять-пятнадцать скважин в Поволжье. Причем среднеобъемная нефть – высококачественная, она характеризуется выходом светлых продуктов, небольшой вязкостью в пластах, из некоторых ее видов вырабатываются высокоскоростные смазочные масла. Эти качества Сургутской нефти, а главное – высокие объемы добычи, принесли ей заслуженную известность. За весь период освоения на территории Сургутского района было открыто и введено в эксплуатацию более ста месторождений. В настоящее время работа по разведке и вводу в эксплуатацию новых месторождений продолжается.

Сургутский район был образован 11 января 1924 г. Это самый крупный район в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (с 1944 г. входит в состав Тюменской области) по численности населения (121 000 чел.) и объему промышленного производства. Он включает четыре городских поселения – Лянтор, Федоровский, Белый Яр, Барсово, и девять сельских поселений – Нижнесортимский, Солнечный, Локосово, Русскинская, Сытомино, Лямина, Тундрино, Угут и Ульт-Ягун. Площадь района составляет 105,5 тыс. км². Протяженность границ – 1 800 км, с севера на юг – 560 км,

с запада на восток – 400 км. За время существования внешний облик района и его пограничные очертания претерпевали изменения, впрочем, как и само название территории – уезд, край, территория, местность, район [2].

На территории района из числа коренных малочисленных народов проживают более 3 тыс. чел. (2,7% от всего населения района), из них большая часть ведет традиционный образ жизни и занимается традиционными видами деятельности (охота, рыболовство, сбор дикоросов и т.д.) на территориях традиционного природопользования (родовых угодьях). По национальному составу 98% – ханты, 1% – ненцы, менее 1% – манси [Там же].

В 1960–1975 гг. Сургутский район также был одним из крупнейших районов Тюменской области. Территория района занимала 162,7 тыс. км². Из них почти 70 тыс. км² было занято лесами, 0,25 тыс. км² – лугами и пастбищами, 40 тыс. км² – сенокосами, 10,5 тыс. км² – озерами и водными магистралями [3. Л. 194]. В этот период в районе быстрыми темпами развивалась нефтяная и газовая промышленность, велись стройки нефтепроводов, железной дороги Тюмень–Сургут–Нижневартовск, Сургутской ГРЭС, возводились десятки промышленных предприятий. Именно в этот период сформировался Западносибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК). Это вызвало большой приток рабочей силы. Только за 1970–1973 гг. население г. Сургута и района увеличилось более чем на 19 тыс. чел. [Там же].

Сургутское Приобье относится к территории с экстремальными эколого-климатическими условиями. Суровая продолжительная зима, отличающаяся устойчивыми морозами (средняя температура января от –22 до –28) и короткое лето (2 месяца) красноречиво об этом свидетельствуют. Судя по индексу Бодмана, вычисляемому на основании температуры воздуха и скорости ветра, который является характеристикой комплексного влияния климата на организм человека в условиях внетропических широт, климат предъявляет повышенные требования к организму жителей таежной зоны Западной Сибири. Индекс суровости погоды в регионе приближается к величинам, характерным для наиболее экстремальных и холодных территорий Российской Федерации [4].

Север Западной Сибири богат поверхностными водами. Его по праву можно назвать «землей воды». Повышенное количество осадков, слабое испарение, особенно с затененной поверхности почв и водоемов, а также облесенность и равнинность, затрудняющие сток, вызывают заболачивание территории. Поэтому кроме многочисленных рек и озер в таежной зоне большое количество болот. На земном шаре нет территории, где бы болота занимали такие громадные площади, как в Западной Сибири. В зоне тундры и тайги площадь болот составляет 77,22 млн га, из них на долю торфяников приходится около 40 млн га. В Сургутском полесье 75% площади заболочено. Густота речной сети – 350–400 км на 1 000 км² (в лесостепной и степной зонах аналогичный показатель составляет 25–30 км на 1 000 км²) [5. С. 37]. Ширина

междуречий не достигает и 12 км, а максимальное удаление от реки не превышает 5–6 км. Многие из таежных притоков Оби больше таких известных величин водосброса и стока рек, как Западная Двина, Буг, Днестр и др.

Запасы поверхностных и подземных вод в районе исчисляются десятками миллионов кубометров. Протяженность главной артерии – р. Оби – в пределах района составляет 370 км, а вместе с притоками – 3 тыс. км. Расход воды в секунду в среднем 12,3 тыс. кубометров. В весенне-летний период водой занято почти 45% суши. В толщах земли протекают многопластовые подземные воды. Исключительно развитая пойменная система Оби и крупных притоков аккумулирует до 25% ее годового стока. Это создает временные, но обширные, связанные с рекой акватории, являющиеся летней нагульно-выростной площадью для большинства видов рыб. Значительное место в ландшафтах таежной зоны занимают озера. Они насчитываются здесь десятками тысяч, а возможно, и сотнями тысяч. Заозерность Сургутского Полесья составляет 18–23% [6. С. 39]. Крайне высокая степень обводненности и заболоченности определяет обилие водных и полуводных животных – рыбы, водоплавающих птиц, ондатры, бобра и др. Темнохвойные урманные леса в сочетании с пойменными и болотными угодьями и обширными сосняками создают оптимальные условия для обитания глухаря, рябчика, белки, лося, выдры, медведя и, соответственно, для развития охоты и рыболовства.

Рыбная промышленность во второй половине 1950-х гг. давала половину всей промышленной продукции Ханты-Мансийского национального округа [7. С. 60]. Тюменская область в целом, в первую очередь благодаря своим северным национальным округам, занимала важное место по запасам и улову рыбы. В области была сосредоточена половина всей добычи сиговых рыб в РСФСР. При этом рыбообрабатывающая база предприятий области была весьма примитивной. Технические возможности позволяли выпускать в основном низкокачественную рыбопродукцию крепкого посола [8. С. 9].

Рыболовство имело и имеет большое значение для коренных малочисленных народов Севера. Это исконная отрасль хозяйства коренного населения, один из основных источников питания и денежных доходов, особенно в районах морского побережья, крупных рек и озер. В рыболовстве было занято 22,5% всех трудоспособных хантов, манси и ненцев по ХМАО – 29% всех занятых в данной отрасли хозяйства [9. С. 170]. Однако специалисты писали и о том, что специализация хантов на добыче рыбы экономически не оправдывалась. Например, в Сургутском районе добывались в основном частичковые породы: щука, язь, ерш и чебак, – т.е. в экономическом плане «дешевые» сорта рыбы. Для перевозки такой рыбы до мест переработки, например до Сургута, иногда приходилось покрывать расстояние до 300 км. Это обходилось государству очень дорого.

В 1960–1970-е гг. водные ресурсы района приобрели принципиально новое значение, и охрана их ста-

ла жизненной необходимостью. Кроме большого рыбохозяйственного значения Оби и ее притоков воды бассейна имели хозяйственно-бытовое назначение, несли малый и большой речной флот, по рекам производился сплав древесины, большое количество воды использовалось в промышленных целях и на нужды сельского хозяйства. Обь является источником водоснабжения Сургутской ГРЭС. Достигнутый за короткий период времени высокий уровень промышленного производства в районе без использования водных ресурсов был бы практически невозможен.

Это напрямую влияло на развитие рыболовного хозяйства региона. Общий объем вылова рыбы, несмотря на качественное улучшение орудий лова, технической оснащенности промысловиков, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. резко снизился. В 1972 г. по сравнению с 1964 г. уловы осетра и язя снизились в 3 раза, сырка в 2 раза. Однако не все считали этот факт столь однозначным. Депутат Г.Н. Козин на заседании Сургутского районного Совета о нехватке рыбы заявил: «Очень часто можно слышать высказывания о том, что рыбы в наш век стало меньше. В прежние времена, вспоминает какой-нибудь старожил, рыба на рынке не переводилась. Так ли это на самом деле?» В характерной для советской агитации манере депутат сопоставляет современные данные по уловам рыбы (80 млн центнеров) с данными 1913 г. (10 млн центнеров), подчеркивая, что за годы советской власти резко возросло количество населения, в частности городского. Развитие транспорта позволило доставлять рыбу и рыбные продукты в «такие районы, где ее раньше не видели совсем». Вот поэтому неискушенный потребитель, по мнению депутата, и говорит о том, что рыбы стало меньше. И приводит красноречивый, с его точки зрения, пример: «Чем питался раньше крестьянин – картофель, сусло, капуста, кулага, квас, редька и так далее. А мясом и рыбой питались очень и очень редко. А теперь, как один день мяса или рыбы в магазине нет, – шум» [З. Л. 173].

Тем не менее объемы уловов снижались. Об этом свидетельствовали цифры официальной статистики, и этого нельзя было не замечать. Негативную роль в развитии рыболовного хозяйства Севера Западной Сибири сыграло строительство гидроэлектростанций на Иртыше и Оби (Усть-Каменогорская, Новосибирская). В июле 1952 г. была введена в эксплуатацию Усть-Каменогорская гидроэлектростанция на Иртыше, и это привело к тому, что от основных водных магистралей оказались отрезаны нерестилища на реке Иртыш таких важных промысловых пород, как осетр и нельма. В 1956 г. была введена в строй плотина Новосибирской ГЭС. Она отрезала свыше 40% нерестовой площади осетра и более 50% нельмы на Оби [10. С. 144]. Этот ущерб не мог быть восполнен за счет увеличения естественного воспроизводства на других участках бассейна. Данное обстоятельство делало не просто целесообразным, а остро необходимым развитие искусственного рыбозаведения.

Негативное влияние на рыболовство оказывали лесозаготовки. Молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного

хозяйства вывели из строя многие рыбохозяйственные угодья. В частности, в Сургутском районе бессистемная рубка леса по берегам рек и сплав необработанной древесины по промысловым речкам, протокам и сорамам, особенно там, где происходил нерест рыбы, существенно снижали хозяйственное значение водоемов. В 1960-е гг. молевой сплав на всей территории Ханты-Мансийского национального округа был запрещен, но негативные последствия от этого еще долго давали о себе знать.

Другим мощным негативным фактором, постоянно действующим с середины 1960-х гг., стало загрязнение водоемов нефтью и нефтепродуктами. Особую озабоченность вызывали поступление в открытые водоемы нефтепродуктов, пластовых вод из буровых скважин, сбрасывание отработанного топлива и масел с судов. В совокупности все это создавало вредные условия для жизни рыбы, вело к истреблению ее в отдельных водоемах. Большое количество промышленных предприятий Сургутского района не имело очистных сооружений и сбрасывало в Обь и ее притоки воду с большим количеством нефтепродуктов и других вредных примесей, лесозаготовительные и сплавные организации засоряли притоки Оби сплавными отходами, строители нефтепроводов, дорог, управления буровых работ, геологоразведочные экспедиции, нарушая установленные законы, вместо строительства мостов через малые реки и протоки заваливали их полностью земляными валами и лесом [З. Л. 174, 196].

Имелось много фактов, когда добываемая в районе тысячами тонн нефть попадала в открытые водоемы. Один литр нефти способен испортить миллион литров воды. Попадая в пойму, нефтепродукты загрязняют нерестилища, что особенно опасно для рек Западной Сибири, обладающих ценными породами рыб. Воды рек Западной Сибири имеют меньшую способность к самоочищению, чем реки европейской части страны, где вода в реке может самоочиститься, пройдя 200–300 км от места загрязнения. В условиях Западной Сибири воде потребуется не менее 2 тыс. км при том же составе загрязнений. Воды Оби и ее притоков в рассматриваемый период были значительно загрязнены нефтью и нефтепродуктами [11. С. 32, 34–35].

Нефтепродукты в водоемы попадали не только с нефтепромыслов. Активное промышленное освоение района невозможно было без большого количества техники, применение которой связано с использованием горюче-смазочных материалов. Некоторые предприятия и организации строили временные склады хранения горюче-смазочных материалов в пойменной части рек, не обваловывали их, в результате они регулярно подтоплялись паводковыми водами и разлитые на территории складов нефтепродукты попадали в водоемы [З. Л. 197]. Особенно характерно это было для совхозов. В этих хозяйствах способы заправки горючим были самыми примитивными и зачастую допускался разлив горюче-смазочных материалов. Например, р. Черную (протекала в черте г. Сургута) постоянно загрязняли горюче-смазочными материалами ремонтно-технические мастерские, ГРЭС и другие промышленные и транспортные предприятия.

Предприятия и организации района имели большой флот. В большинстве своем суда не были оборудованы системами по сбору подсланевых вод и отработанных масел, отсутствовал закрытый способ бункеровки, вследствие чего также допускался разлив нефтепродуктов. Все виды отработанных горюче-смазочных материалов сбрасывались в зону затопления или непосредственно в водоемы. Особенно часто эти факты имели место в речном порту, рыбном комбинате, леспромхозе, ремонтно-эксплуатационных базах флота «Главтюмень-нефтегазстроя», «Главтюменьгеологии» и совхозах.

Сургутская нефтебаза за весь рассматриваемый период не организовала прием и регенерацию отработанных масел от промышленных предприятий и судов речного флота. Нефтедобывающие и другие предприятия медленно вводили в эксплуатацию очистные сооружения. Выделяемые на эти цели средства из года в год не осваивались. Так, НГДУ «Юганскнефть» из запланированных на 1972 г. 278 тыс. руб. освоило лишь 10 тыс. руб., Нефтегазодобывающее управление им. 50-летия образования СССР из 670 тыс. руб. по промышленной базе освоило только 191 тыс. руб., НГДУ «Правдинскнефть» из 326 тыс. руб. освоило 118 тыс. руб. [3. Л. 198].

Неблагополучное положение с очисткой загрязненных промышленных стоков складывалось на Сургутском рыбном комбинате и его участках. Стоки совершенно не очищались от жиров и сбрасывались в открытый водоем. Строительства очистных сооружений не велось. Отдельные предприятия бесхозяйственно относились к использованию подземных водных источников. Пробуренные в прошлые годы скважины на воду по мере их непригодности забрасывались, не тампонировались и не ликвидировались должным образом. Сургутское управление буровых работ из 8 скважин, подлежащих ликвидации на Западно-Сургутском месторождении и Солкинской площади, в 1972 г. ликвидировало только 2. Нефтеюганским управлением буровых работ на Усть-Балыкском, Солкинском и Правдинском месторождениях не было ликвидировано 22 скважины. У пяти скважин, вновь пробуренных для домостроительного комбината, не были закрыты устья [Там же. Л. 197]. Все это приводило к попаданию загрязненных нефтепродуктами стоков в подземные водные горизонты.

Большую роль в экономике коренного населения Сургутского района играли охотничье хозяйство и звероводство. Охотничий промысел подразделялся на добычу «мясной» дичи и на пушную охоту. За весь рассматриваемый период мясной промысел не имел товарной направленности. Практически вся добыча копытных и пернатых потреблялась внутри хозяйств промысловиков. В лесах района обитают соболь, выдра, лиса, белка и другие виды пушных животных. В 1940 г. в район были переселены дикая норка и ондатра. В 1954 г. для улучшения пушно-меховых качеств соболя Тобольского кряжа была выпущена партия баргузинских соболей [Там же. Л. 203].

В Ханты-Мансийском округе уже с середины 1950-х гг. в заготовках пушнины главную роль играло звероводство, а не охота. В 1955 г. округ сдал государ-

ству пушнины на 20 млн руб. Из этой суммы только 6,8 млн руб. приходилось на продукцию охотничьего промысла [12. С. 38]. Две трети плана заготовок выполнялось за счет звероферм. Властями явно недооценивался охотничий промысел, несмотря на то что природные условия округа позволяли активно его развивать. Специалисты охотничьего хозяйства причину видели в недостатках хозяйственной политики на Севере, связанной с переводом коренного населения на оседлый образ жизни и сселением их в крупные поселки. Результаты такой политики в полной мере отразились не только на рыболовном хозяйстве Сургутского района, о чем уже говорилось, но и на охотничьем.

До политики сселения ханты равномерно расселялись семьями по всей территории района. Это давало возможность добывать на месте пушнину, дичь, ловить рыбу, собирать орехи и т.д., а также исключало длительные переезды в отдаленные промысловые угодья. Охотники могли переходить из одних угодий в другие по мере изменения насыщенности территории пушными животными с наименьшими временными и физическими затратами. Специалисты-охотоведы отмечали, что при сселении людей в поселки интересы охотников не учитывались, как, впрочем, и рыбаков. «В охотничьих угодьях, где промыслили ханты до сселения, не построили ни одной избушки и базы. По существу, хантов – потомственных охотников оторвали от промысла и заставили заниматься менее доходной рыбной ловлей» [12. С. 38]. Многие глубинные селения оказались пустующими, а охотничьи угодья заброшенными. Ф.Р. Штильмарку в 1956 г. пришлось быть свидетелем, как в Сургутском районе занятие охотничьим промыслом ставилось даже в вину местному населению. «Молодежь заражается от стариков охотой, – говорил один из председателей национальных артелей». В том же 1956 г., богатом на белку, запрещали продавать боеприпасы, чтобы колхозники не отвлекались охотой [13. С. 4]. Советские руководители на местах считали охоту первобытным занятием, не соответствующим социалистическому образу жизни. Поощрялись и поддерживались занятия сельским хозяйством (животноводство, огородничество, зерновое хозяйство) и рыболовством, несмотря на то что очень часто эти занятия на Севере были убыточными.

В том числе и поэтому вектор развития охоты, заданный еще на рубеже XIX–XX вв. и продолженный в советский период, был однозначным: надо двигаться от промысла (чего-то стихийного, неупорядоченного, неуправляемого) к хозяйству (планируемая, управляемая, системная деятельность). Развитие охотничьего хозяйства должно было идти по пути интенсификации – совершенствования организации и технологии производства, усиления технической вооруженности, повышения материальной заинтересованности охотников в результатах своего труда.

Советская охотоведческая наука рассматривала охотничье хозяйство как плановое использование биологических ресурсов, основанное на данных учета наличного запаса животных, которое не только укладывается в естественный прирост поголовья, но и сопровождается его обогащением. В основе охотничьего

хозяйства должно было лежать перспективное и оперативное планирование. Научно обоснованное ведение охотничьего хозяйства предполагало проведение целого ряда мероприятий: изучение и учет животных, благоустройство угодий, создание благоприятных условий труда и быта охотников [14. С. 6].

Тем не менее во второй половине XX в. охотничье хозяйство неоднократно рассматривалось как отсталое, находящееся на низком уровне технического развития и производственной культуры. В конце 1960-х гг. и в 1970-е гг. об охотничьем хозяйстве говорили как об одной из основных традиционных и перспективных отраслей хозяйства Севера, но при этом по техническому развитию и производственной культуре остающейся на низком уровне [15]. Главными проблемами, как это очень часто бывало в советской экономике, были проблемы неразвитости инфраструктуры: транспортная проблема, отсутствие товаров народного потребления нужного качества и в достаточном количестве, плохая организация заготовок пушнины, дичи, дикоросов.

Охота в целом как вид профессиональной деятельности подвергалась критике. Низкая роль охоты в общем природопользовании была связана во многом с идеализацией природы в общественном сознании и антиохотничьим движением в обществе. Писатель-охотовед Всеволод Сысоев приводит такой пример из своей практики. Один дальневосточный писатель сказал ему как бы с сожалением: «Что бы вы ни говорили, но охота – занятие безнравственное» [16. С. 7]. И такие нападки «псевдохранителей природы» были нередкими. По сути, в общественном сознании очень часто между понятиями «охотник» и «браконьер» ставился знак равенства.

Любое снижение численности диких зверей и птиц (особенно охотничьих видов) вызывало обвинения в адрес охотников в подрыве ресурсов. Между тем основной причиной подобного снижения зачастую являлось ухудшение условий обитания вследствие антропогенного преобразования угодий и даже полного исчезновения местообитаний отдельных видов. Охотничьи хозяйства своими затратами на охрану и воспроизводство диких зверей и птиц не столько компенсировали собственные издержки (так как ресурсы многих видов недоиспользовались), сколько возмещали ущерб, наносимый диким животным и их среде обитания смежными отраслями природопользования (гидростроительством, сельским и лесным хозяйством, добывающей промышленностью, рекреационной деятельностью человека и т.д.) [17. С. 6]. Это прекрасно иллюстрируется на примере охотничьего хозяйства Сургутского района: государственный охотничий промысел сокращался в результате ухудшения условий обитания животных и браконьерства; в Сургутском районе в сравнении с 1965 г. добыча белки в 1970-е гг. снизилась в 2 раза, выдры в 23, лисицы в 12, ондатры в 5, соболя почти в 1,5, дикой норки в 5 раз [3. Л. 203].

Активное промышленное освоение Сургутского района приводило и к увеличению использования леса. Слабо решалась проблема его рационального и эффективного использования, без ущерба для охоты и

рыболовства. Вырубка леса неизбежна при обустройстве нефтяных месторождений. Предприятия Главтюменьнефтегаза, Тюменьстройпути, трестов «Сургуттрубопроводстрой» и «Запсибэлектросетьстрой» бесхозяйственно относились к лесным ресурсам при сооружении буровых площадей, строительстве нефтегазопроводов, компрессорных станций, линий электропередач, автомобильных и железной дорог и т.д. Обочины просек превращались в непроходимые завалы, что приводило к гибели леса, ценной древесины.

До 50 различных организаций вырубали лес, а убирать его, как правило, было некому. Использовался он в незначительных количествах на строительстве лежневых дорог, временных производственных сооружений, на местные нужды буровиков и строителей. Остальная древесина либо сжигалась, либо оставалась лежать вокруг объектов строительства. На всех дорогах Среднего Приобья, особенно вдоль трассы Сургут–Нефтеюганск, сваленные деревья лежали полосой до 70 м ширины по обе стороны дороги [11. С. 30–31]. В ходе заготовок леса уничтожались подрост, моховой и травянистый покров, что резко ухудшало условия воспроизводства леса. Засорение тайги отходами лесных вырубок явилось причиной колоссального роста количества насекомых-вредителей, увеличения пожароопасности лесных массивов [18. С. 7].

Охрана леса от лесонарушителей и пожаров в Сургутском районе в рассматриваемый период оставляла желать лучшего. Как уже отмечалось, в 1960–1975 гг. на территории района шло бурное строительство, а лесная охрана была малочисленна и не оснащена современными транспортными средствами. Лесничества района не были обеспечены сухопутным транспортом. В лучшем случае в некоторых из них были исправные лодочные моторы. При этом у граждан в личном пользовании и тем более у хозяйственных организаций было и то и другое. Директор Сургутского лесхоза Г.П. Хомяков так характеризовал ситуацию: «Если 10–15 лет назад лесная охрана была на равных со всеми заготовителями в смысле транспорта (те и другие имели лошадей), когда заготовка леса не превышала 10 км от любого населенного пункта, теперь же древесину везут с 50–70 км на высокопроходимом быстроходном транспорте. Лесная охрана не имеет ничего: для лошадей санных дорог нет, за десятки километров на лошади не поедешь, за машиной на лошади не угонишься, поэтому у нас нередко население уходит от ответственности за лесонарушения» [3. Л. 181].

Активная индустриализация региона, освоение природных ресурсов, рост численности населения – все это привело к сокращению территории традиционного хозяйства и истощению биоресурсов за счет расширения антропогенных, урбанизированных, промышленных ландшафтов.

На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «...проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно

увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса) рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны» [19. Л. 38].

Подчеркивалась необходимость обеспечения благоприятного сочетания индустриального освоения природных ресурсов Севера с охраной природы и традиционным северным промысловым хозяйством. В реальности же за весь рассматриваемый период для промышленного освоения Севера и сохранения природной среды, необходимой для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, так и не было разработано научно обоснованных программ, необходимых законов и механизмов.

Традиционные формы хозяйствования на Севере рассматривались государством и научным сообществом как экстенсивные. Перевод на интенсивные формы экономической деятельности осуществлялся через «социалистическую реконструкцию» оленевод-

ческих, охотничьих и рыболовецких хозяйств, которая выражалась в их огосударствлении, укрупнении, переводе населения на оседлый образ жизни. Это стало основным направлением государственной политики в области развития традиционного хозяйства коренных народов Севера.

Наличие в недрах северной части Западной Сибири крупных запасов полезных ископаемых коренным образом изменило представление об этом районе как малоперспективном для хозяйственного освоения [20. Л. 12]. Ни огромные запасы лесных ресурсов, ни колоссальные возможности рыболовства, пушной охоты и оленеводства «коренным» образом не изменили малоперспективный для государства экономический статус региона. Это смогли сделать только нефть и газ. Их освоение и стало первоочередной задачей центральных, региональных и местных партийных и хозяйственных властей в рассматриваемый период. Биологические ресурсы – основа традиционных отраслей хозяйства, рыболовства и охоты, – при всех «декларациях» в свой адрес объективно оказались на периферии государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракита С.А. Природа и хозяйственное освоение Севера. М. : Изд-во МГУ, 1983. 190 с.
2. Сургутский район : официальный сайт муниципального образования. URL: <http://admsr.ru/region/history/>
3. Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения администрации города Сургута (Сургутский городской архив – СГА). Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет (райсовет, райисполком), г. Сургут. Оп. 1. Д. 305.
4. Ракита С. Биоклиматическое районирование Севера СССР // Население и окружающая среда. М. : Статистика, 1975. С. 21–29.
5. Советский Союз : геогр. описание : в 22 т. / пред. ред. кол. С.В. Калесник. М. : Мысль, 1971. Вып. 5: Российская Федерация. Западная Сибирь / М.И. Помус, Г.В. Крылов, М.Н. Колобков и др.; отв. ред. М.И. Помус. 429 с.
6. Валеева Э.И., Московченко Д.В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 229 с.
7. Ханты-Мансийский национальный округ // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М. : Гос. науч. изд-во, 1957. Т. 46.
8. Вотинов Н.П., Замятин В.А., Петкевич А.Н. Больше рыбы стране : материалы к лекциям. Тюмень : Тюм. облтипография, 1966. 24 с.
9. Народы Советского Севера. М. : Наука, 1991. 264 с.
10. Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке. М. : Наука, 2008. 233 с.
11. Бюдьков С.Т., Нефедов В.Б. Север Западной Сибири : (проблемы хозяйственного освоения и охрана окружающей среды). Тюмень : Тюм. гос. ун-т, 1977. 88 с.
12. Гололобов Е.И. Охотничье хозяйство Сибирского Севера в экономической системе СССР в 1950–1980-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 33–40.
13. Штильмарк Ф.Р. Нужды охотничьего хозяйства Ханты-Мансийского округа // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 4–5.
14. Скалон В.Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. 84 с.
15. Удачин Д., Смирняков Ю. Вклад государственных промыслов // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 1–2.
16. Сысоев В. Романтика древней профессии // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 1. С. 7.
17. Ширяев В. Конечный результат – урожай в закромах // Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 1. С. 6.
18. Башлаков Я.К., Шамаков А.Н. Географические аспекты природопользования и охраны природы Тюменской области // Природные ресурсы Тюменской области : сб. ст. Л. : Геогр. о-во СССР, 1976. С. 3–8.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. Оп. 1.
20. РГАЭ. Ф 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. Оп. 3.

Evgeny I. Gololobov, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

STATE POLICY ON DEVELOPMENT OF BIOLOGICAL RESOURCES OF SURGUT PRIOBYE IN CONDITIONS OF ACTIVE INDUSTRIALIZATION OF THE REGION (1960–1975)

Keywords: development of bioresources; XX century; North of Western Siberia; ecological history.

The aim of the work is to show the role of biological resources in the region's economy in conditions of active industrial development of the North of Western Siberia in 1960–1975 through the interaction of man and nature as a phenomenon of ecological history. The source base of the study is based on the analysis of the records of regional executive committees of the Soviets of Workers' Deputies, permanent commissions on nature protection. The core of the process of developing raw material resources, including biological resources, in the taiga zone of Western Siberia was the consistent conceptualization of the idea of industrialization of northern territories and its actual implementation in the region in the second half of XX century. Consequently, everything that conformed to the industrial standard of development, which worked for it, was with a "plus" sign, which did not meet this standard, prevented its rooting in the taiga and was assessed with a "minus" sign. The industrial standard of development of the territory implies rational control not only over social, but also over the natural environment of the man, the implementation of the scientific revolution, the expansion of applied scientific research, the spread of a rational view of life.

The fishing economy of the peoples of the North, the traditional sectors of economy based on the use of bioresources, was characterized from the point of view of the Soviet power by extreme backwardness. They were supposed to be improved on the basis of rational, economically expedient use of biological resources of the North. The economic objective was to create a base for the production of products that would meet local needs and to export some of them to other parts of the country and abroad (fur, fish, etc.). The political objective was to improve indigenous peoples' participation in the production of material goods and to raise their standard of living, which was to be brought to the standard of living of other peoples in the country.

The author believes that the traditional and modern models of interaction between man and nature are well traced on the example of the Surgut Ob region in 1960-1975. The traditional model, represented by the economy of the indigenous inhabitants of the North and the commercial Russian population, for whom nature is a subject with which to interact to maintain a balance to a greater or lesser extent, was rapidly replaced by a modernization model with a completely different attitude to nature. For the modernization model, nature is an object that must be used as rationally as possible to meet certain needs. The criteria for rationality were strictly material categories.

The history of the Surgut Priobye, as the most industrialized territory in the taiga zone of Western Siberia, allows us to trace this process in detail, answering questions about how the importance of biological resources for national and regional economic and political institutions, the expert community, and the local population has changed and describing the institutional basis for their use and protection.

REFERENCES

1. Rakita, S.A. (1983) *Priroda i khozyaystvennoe osvoenie Severa* [Nature and Economic Development of the North]. Moscow: Moscow State University.
2. Surgut District. (n.d.) Official website of the municipality. [Online] Available from: <http://admsr.ru/region/history/>
3. The Archive of the Department of Documentation and Information Support of the Administration of the City of Surgut (The Surgut City Archive - SGA). Fund 1. *Surgutskiy rayonnyy Sovet narodnykh deputatov i ego ispolnitel'nyy komitet (raysovet, rayispolkom), g. Surgut*. [Surgut District Council of People's Deputies and its Executive Committee (District Council, District Executive Committee), Surgut]. List 1. File 305.
4. Rakita, S. (1975) Bioklimaticheskoe rayonirovaniye Severa SSSR [Bioclimatic regionalization of the North of the USSR]. In: Valentei, D.I. (ed.) *Nase-lenie i okruzhayushchaya sreda* [Population and Environment]. Moscow: Statistika. pp. 21–29.
5. Pomus, M.I. (1971) *Sovetskiy Soyuz: geograficheskoe opisanie: v 22 t.* [The Soviet Union: Geogr. Description: in 22 vols]. Vol. 5. Moscow: Mysl'
6. Valeeva, E.I. & Moskvchenko, D.V. (2001) *Rol' vodno-bolotnykh ugodiy v ustoychivom razvitii severa Zapadnoy Sibiri* [The role of wetlands in the sustainable development of the north of Western Siberia]. Tyumen: SB RAS.
7. Anon. (1957) *Khanty-Mansiyskiy natsional'nyy okrug* [Khanty-Mansiysk National District]. In: Vvedensky, B.A. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 46. 2nd ed. Moscow: Gos. nauch. izd-vo.
8. Votinov, N.P., Zamyatin, V.A. & Petkevich, A.N. (1991) *Bol'she ryby strane* [More fish for the country]. Tyumen: Tyum. Obltopografiya.
9. Sokolova, Z.P. (ed.) (1991) *Narody Sovetskogo Severa* [Peoples of the Soviet North]. Moscow: Nauka.
10. Pribylsky, Yu.P. (2008) *Rybnoe khozyaystvo Ob'-Irtys'ya v XX veke* [Fisheries of the Ob-Irtysh region in the 20th century]. Moscow: Nauka.
11. Byudkov, S.T. & Nefedova, V.B. (1977) *Sever Zapadnoy Sibiri: (problemy khozyaystvennogo osvoeniya i okhrana okruzhayushchey sredy)* [North of Western Siberia: (problems of economic development and environmental protection)]. Tyumen: Tyumen State University.
12. Gololobov, E.I. (2016) *Okhotnich'e khozyaystvo Sibirskogo Severa v ekonomicheskoy sisteme SSSR v 1950–1980-e gody* [The hunting economy of the Siberian North in the economic system of the USSR in the 1950s – 1980s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 33–40.
13. Stilmark, F.R. (1971) *Nuzhdy okhotnich'ego khozyaystva Khanty-Mansiyskogo okruga* [The needs of the hunting economy of Khanty-Mansiysk district]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 10. pp. 4–5.
14. Skalon, V.N. (1957) *Organizatsiya okhotnich'ego khozyaystva Sibiri* [Organization of hunting in Siberia]. Irkutsk: Irkut. kn. izd-vo.
15. Udachin, D. & Smirnyakov, Yu. (1971) *Vklad gosudarstvennykh promkhozov* [Contribution of state industrial farms]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 10. pp. 1–2.
16. Sysoev, V. (1989) *Romantika drevney professii* [Romance of the ancient profession]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 1. p. 7.
17. Shiryaev, V. (1989) *Konechnyy rezul'tat – urozhay v zakromakh* [The end result – the harvest in the bins]. *Okhota i okhotnich'e khozyaystvo*. 1. p. 6.
18. Bashlakov, Ya.K. & Shmakov, A.N. (1976) *Geograficheskie aspekty prirodoopol'zovaniya i okhrany prirody Tyumenskoy oblasti* [Geographic aspects of nature management and protection of Tyumen region]. In: Lezin, V.A. (ed.) *Prirodnye resursy Tyumenskoy oblasti* [Natural resources of Tyumen region]. Leningrad: The USSR Geographical Society. pp. 3–8.
19. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 399. List 1.
20. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 399. List 3.